

М. В. Хаккарайнен

ЛЕЧАЩИЕ СПЕЦИАЛИСТЫ В НАРОДНОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ТРАДИЦИИ ПОСЕЛКА МАРКОВО (ЧУКОТКА)

Введение

В последнее время среди антропологов активно обсуждается проблема трансформации и сохранения традиционного знания. Особенно это касается коренных народов Крайнего Севера, так как за последние сто лет культура этих народов была подвержена сильному влиянию извне. Задача данной работы — в рамках обсуждения обозначенной выше проблемы ответить на вопросы: что изменилось и что осталось прежним в представлениях жителей поселка Марково Чукотского автономного округа о традиционных лекарских практиках и традиционных лекарях за последние сто лет?

В антропологических исследованиях традиционных медицинских знаний и практик занимающиеся лечением специалисты часто становятся предметом особого внимания. В коллективе лекари обычно являются выделенной группой с особым статусом. Врачеватели, с одной стороны, разделяют общераспространенную в данном коллективе медицинскую идеологию, с другой — аккумулируют специальные знания и/или особые способности. В силу этого они уполномочены сообществом ставить «официальный» диагноз, они владеют техниками лечения, они обладают властью по отношению к больному и его окружению.

Важнейшей функцией лечащего в традиционном обществе, на которую этнографы и антропологи конца XIX—первой половины XX столетия первоначально обратили внимание, была медиация между обычными людьми и «спиритуалистическим» миром (Landy, 1977. С. 416). Иными словами, антропологическое осмысление роли лекаря проходило в рамках изучения религиозных представлений. Во второй половине XX века фокус внимания исследователей постепенно переместился с религии на окружающий лекарей социокультурный контекст. Исследователи стали больше обращать внимание на то, каким образом специальное и повседневное медицинское знание распределено между членами отдельной общности, каким образом происходит специализация врачей, выстраивается иерархия от неспециалистов до спе-

циалистов «высшей категории», как эта иерархия воспроизводится, как она встроена в общую систему социальных отношений, культурных норм и ценностей. Исследования медицинских представлений и практик в данном аспекте значительно расширили перспективу изучения места лекарей в социуме.

В соответствии с общей тенденцией, изучение традиционных медицинских представлений и практик коренного населения Чукотки, а также деятельности занимающихся в аборигенных группах лекарскими практиками специалистов, происходило в рамках дискуссии о шаманизме и шаманах. Однако внимательное ознакомление с этнографическими материалами, собранными за последние сто лет в различных группах коренного населения региона, дает возможность утверждать, что деятельность лекарей не ограничивалась шаманским лечением, это позволяет расширить круг практикующих: врачеванием зачастую занимались и шаманы, и специалисты других категорий, и люди, которые не имели особого статуса лекаря. Например, Н. Л. Гондатти упоминает в своих записках, что в прибрежных селениях лечением занимались три типа лекарей: шаманы, наговорщики и *эрккал'аол'тэ* — мужчины, носившие женскую одежду и исполнявшие женскую роль (Гондатти, 1898. С. 23). В. Г. Богораз писал что у обруселых инородцев и русских метисов на реке Колыме и Анадыре среди женщин был очень распространен особый лечебный прием, который определяется глаголом «шаманить», для самолечения (Богораз, 1910. С. 8). Н. П. Сокольников подробно описывает в статье «Болезнь и рождение человека в поселке Марково на Анадыре» разные способы лечения, проводимые как разными специалистами, так и неспециалистами (Сокольников, 1911). Г. М. Афанасьева и Ю. Б. Симченко в статье о традиционном рационе чукчей подчеркивают общераспространенность диетарного знания и его применения в лечебных целях (Афанасьева, Симченко, 1993).

Безусловно, в большинстве этнографических свидетельств нешаманские практики лечения от шаманских удаётся отделить не всегда даже аналитически. И не только потому, что описание их сторонними очевидцами происходило в рамках обсуждения шаманизма, а это обстоятельство во многом определяло выбор описываемого материала. Главная причина, на мой взгляд, состоит в том, что лечение напрямую связано с традиционными теориями болезни, которые, в свою очередь, являются частью повседневных представлений, а повседневные представления аборигенных групп населения Чукотки, несомненно, связаны с шаманистским мировосприятием. Поэтому любые практики, даже если их трудно определить как шаманские, в строгом значении этого понятия, попадая в шаманистский контекст, приобретают соответственный с ним смысл. С другой стороны, отдельные занимающиеся лечением люди используют свой набор практик, и в соответствии с ним воспринимаются изнутри традиции как специалисты или неспециали-

сты, шаманы или нешаманы. Причем иерархическая шкала распределения практикующих по занимаемому положению в сообществе может быть сильно растянута. В этом смысле особо примечателен поселок Марково на реке Анадыре: в прошлом веке этот поселок был известен как место, где были развиты лекарские практики. Туда специально приходили лечиться живущие в окрестностях люди в случае тяжелых заболеваний (Олсуфьев, 1896. С. 88, 146).

Поселок Марково конца XIX века по описаниям исследователей и очевидцев

Поселок и его жители

Поселок Марково на реке Анадыре возник, по-видимому, во второй трети XIX века. По некоторым описаниям населения поселка может создаться представление, что это село было русским старожильческим (например, Олсуфьев, 1896; Патканов, 1911. С. 124; Гурвич, 1966), но как демографические данные, так и описания этнографического характера скорее опровергают эту точку зрения. Так, на основании сделанного С. Паткановым анализа результатов ревизий и переписи населения 1897 года (Patcanow, 1903; Патканов 1906, 1911, 1923), а также по различным свидетельствам непосредственных наблюдателей (Олсуфьев, 1896; Гондатти, 1897а, 1897б, 1897в; Сокольников, 1911) и описаниям местного жителя Афанасия Дьячкова (Дьячков, 1992 [1893]) население поселка можно причислить скорее к коренным русскоязычным жителям Северо-Восточной Сибири, нежели к изолированной группе русских старожилов, сохраняющих в иноэтничном окружении «самобытность» русской культуры. Барон Майдель, побывавший в Маркове в 1869 году, таким образом характеризовал поселок и его жителей в записках о своем путешествии: «Скоро я прибыл в Марково. Местечко это состоит из нескольких, около 20, домиков и из маленькой часовни, где богослужения совершает живущий в Марково миссионер для чукчей и коряков. Жители Марково частью русские, частью юкагиры и чуванцы. Эти инородцы совершенно обрусели и едва знают свой собственный язык... Эти обрусевшие юкагиры и чуванцы, которые живут частью в Маркове, частью в разбросанных по Анадыру и острову Маину хижинах, пришли сюда с Анюев в то время, когда там оскудели — как мы уже говорили раньше — олени и рыбные промыслы; с ними же пришло и несколько русских. Впоследствии из Гижигинска по распоряжению тамошнего исправника была переведена сюда небольшая команда казаков под начальством одного урядника, который несет здесь полицейскую службу» (Майдель, 1894. С. 190). С. Патканов упоминает о том, что в 1883 году к Маркову были приписаны 111 ламутов (Патканов, 1911. С. 125). По данным Н. Л. Гондатти, большинство жителей Маркова и ближайших к нему

поселков принадлежало к инородческим обществам чуванцев, юкагиров и ламутов (Гондатти, 1897а). Население поселка пополнялось за счет жителей ближайших поселений и становящихся оседлыми кочевников-оленеводов, живших на прилегающих территориях (Патканов, 1911. С. 125–126; Сокольников, 1911. С. 96). При этом контакты жителей Марково простирались от побережья Охотского моря до реки Колымы. Они активно взаимодействовали и с русскими — торговцами и российской администрацией, — и с кочевыми оленеводами.

Сложная история формирования населения поселка отразилась и на традиционной медицине марковцев. Зафиксированные сто лет назад Н. П. Сокольниковым медицинские представления и лечебные практики определенно сформировались под влиянием как русской традиции, так и аборигенных (Сокольников, 1911). «Сами же жители умеют пользоваться многими средствами народной медицины, переданными к ним от якутов, камчадалов и старинного русского населения», — писал А. В. Олсуфьев о марковских жителях (Олсуфьев, 1896. С. 87). При этом общий набор лекарских практик, которые использовались в поселке, оказался значительно более разнообразным, чем у других групп жителей Чукотки (Сокольников, 1911. С. 78).

Марковские лекари конца XIX века

Н. П. Сокольников таким образом рисует общую картину лечебных практик марковских жителей в конце XIX века: «Местные способы врачевания, как и во всякой народной медицине, составляют: лечение разными своими внутренними и наружными средствами; прибегание к помощи Церкви¹, шаманов и наговорщиков; разные способы устранения болезни; старания обмануть ее; лечение отвратительными средствами и лечение подобным. Кроме того, есть и чисто местный, оригинальный способ лечения ‘надобным’². Обманывают болезнь, меняя имена навсегда» (Сокольников, 1911. С. 76–77). Сокольников подробно останавливается на способах лечения разных конкретных болезней и выделяет несколько типов лечащих специалистов и неспециалистов. К самой большой группе занимающихся лечением принадлежали люди, которые владели повседневными медицинскими знаниями, то есть рядовые жители поселка. Они использовали «свои внутренние и наружные средства»: травы, компрессы, припарки и пр. К специалистам «среднего звена» можно отнести *бабусек* (бабушек) и *опитных стариков* (опытных стариков), а также особо выделенных *правсысков* (правщиков) головы и пупа. В поселке было много *опытных людей*, которые специализировались на определенных болезнях, например лечении сифилиса. *Бабуски* занимались женскими болезнями и родами. К специалистам высшей категории, к которым обращались «как к последней инстанции», относились *шаманы* и *наговорщики*: «Не так давно у марковцев было достаточно и своих шаманов и

наговорщиков, в 1897 г. из них я застал в живых трех шаманов, одного наговорщика и двух наговорщиц» (Сокольников, 1911. С. 77).

Н. П. Сокольников оставил довольно подробный перечень ‘шаманских’ способов лечения: смена больным знаков половой принадлежности (от перемены прически до перемены всего поведения и образа жизни), перемена имени, перемена своей одежды на одежду ‘чужого племени’ и пр. Н. П. Сокольников дает и общее описание лечебного ритуала, проводимого шаманами³.

Другой особо выделенной категорией специалистов, по Н. П. Сокольникову, являются *ламутские наговорщики*, которые «не вынимают болезни, подобно шаманам, а или шепчут над больным, проделывая при этом руками пассы, или лечат его наговоренными травами и пр. настоями, а то так просто наговоренной водой, в которую к тому же иногда кладут какой-либо оригинальной формы камешек, раковинку, сучок, а бывает, что и плюют в нее. Они часто практикуют кровопускание и массажирование. Дают, подобно шаманам, разные советы. Плату за свое лечение наговорщики получают значительно меньшую, чем их старшие братья, шаманы». Н. П. Сокольников особо отмечает статусные различия *наговорщика* и *шамана*. Умение *шамана* оценивается в общности значительно выше: «Плату за свою помощь шаманы получают значительную» (Сокольников, 1911. С. 133)⁴.

Согласно статье Н. П. Сокольникова, в Марково в XIX столетии использовался довольно широкий спектр лечебных практик, в который входили разнообразные магико-символические, физиотерапевтические и терапевтические способы лечения. В зависимости от репертуара практик лечащие определялись как *шаманы*, *наговорщики*, *опытные люди* (*старики*, *бабушки*, *правщики*) и «обыкновенные люди». Самое высокое положение в лекарской иерархии занимали люди, способные на коммуникацию с иным миром — шаманы и наговорщики. При этом шаманы находились наверху лекарской иерархии. Наговорщики, использовавшие нешаманскую технику лечения, занимали более низкую позицию. К следующей категории лечащих можно причислить специалистов, позиция которых определялась скорее опытом и навыками, нежели отношениями с иным миром. К последней группе можно отнести неспециалистов, которые умели лечиться сами, но не практиковали лечение других людей.

Поселок Марково и его лекари конца XX столетия: современное состояние традиции

Марково — современный поселок

Последние сто лет были временем глубоких изменений во всех сферах жизни коренного населения Чукотки. Произошли значительные перемены в образе жизни жителей и в Маркове. Изменилась система хо-

зяйствования, структура занятости и доходов населения. Изменилась система здравоохранения: в поселке функционирует больница, имеющая статус городской. Изменилась структура образования: среднее образование стало обязательным, среднее специальное и высшее образование стали доступными. Изменились информационные сети: жители поселка читают газеты и общедоступную литературу, слушают радио, смотрят телевизор, некоторые из них имеют возможность пользоваться системой Интернет. За последние тридцать лет Марково превратился в поселок городского типа. В поселке практически не ощущается роль церкви⁵.

В настоящий момент всего в поселке живет приблизительно 1200 человек. Коренное население Маркова по-прежнему постоянно пополняется за счет жителей ближайших поселков. По данным похозяйственных книг, в 1998 году в поселке проживало 400 жителей «коренных национальностей»: 264 чуванца, 48 ламутов, 47 чукчей, 28 юкагиров, 8 якутов, 3 коряка и 2 эскимоса⁶. В последние три десятилетия в поселке большая часть населения состояла из приезжих с «материка».

Все эти факторы повлияли на традиционное медицинское знание, унаследованное современными коренными жителями поселка.

Маргинализация традиции

Мне не раз приходилось слышать мнение, что из-за сильного воздействия со стороны марковская традиция оказалась «испорченной» или «разрушенной». Однако знакомство с жизнью поселка дает основания утверждать, что в данном случае более уместно говорить о трансформации традиции, но не о ее разрушении. Несомненно то, что традиция перестала «лежать на поверхности», утратила яркие внешние способы репрезентации, отличающие ее от «материковой». Что касается традиционных лекарских практик, они заняли в жизни людей маргинальное положение. Сфера деятельности традиционных специалистов-лекарей значительно сузилась. Да и само их существование можно было бы подвергнуть сомнению. Так, очень часто можно слышать мнение жителей, что шаманов, которые в прошлом занимали главенствующее место среди традиционных лекарей всего региона, больше нет: их существование или относят к старым временам, или выносят за пределы своего сообщества. Создается впечатление, что в результате социальных изменений, а также борьбы с шаманами в советский период эта особая группа ритуальных специалистов перестала институционально воспроизводиться. Термин *наговорщик* тоже вышел из общего употребления. Некоторые специалисты перестали быть востребованными, например специализирующиеся на лечении сифилиса.

Интервью собранные в Марково в ходе экспедиций 1998 и 1999 годов, однако, убеждают в том, что традиционные медицинские представления оказываются важными для жителей поселка до сих пор. Анализ записей выявляет картину того, каким образом, по представлениям ко-

ренных жителей поселка, распределяется традиционное медицинское знание, кем и как оно используется. Материалы позволяют выстроить иерархию лечащих; дают возможность проследить, каким образом медицинские практики разных лечащих специалистов и неспециалистов встроены в систему социальных отношений и культурных ценностей носителей данной традиции; указывают на то, как эти знания и практики могут воспроизводиться. Сравнение собранного материала с этнографическими свидетельствами прошлого дает возможность отчасти проследить изменения, произошедшие за сто лет.

*Распределение лекарственных знаний и практик:
от обыденного к сакральному*

Как и в любой другой общности, все жители поселка Марково обладают определенными медицинскими знаниями. Безусловно, большинство жителей так или иначе пользуются многими домашними средствами для лечения или облегчения своего состояния во время болезни.

Многие женщины занимаются сбором лекарственных растений. К ним относятся как местные, так и приезжие жительницы. Они сами и собирают травы, и используют их при легких недомоганиях и для профилактики болезней, а также дают советы менее сведущим, которые тоже хотят использовать травную терапию. Собирающих травы и практикующих лечение травами не относят к особой категории специалистов только на основании их осведомленности о свойствах растений. Этот род традиционной медицины в представлениях жителей относится скорее к общедоступному знанию и практикам.

Довольно распространенной традиционной лекарской практикой местных жителей, по-видимому, до сих пор является «правка головы». Об этом способе лечения рассказывают всегда охотно и, как правило, подробно и последовательно. Например:

Отец очень много знал и передал среднему брату. Я тоже голову могу любому поправить, в смысле — головные боли. Я могу снять... Измеряется, берется обязательно красная тряпочка, делают черточки — где уши, здесь, посередине [на лбу] и на затылке. Если нормальное состояние человека, все эти дольки должны совпасть — четыре доли. А если страшные головные боли, обязательно не совпадает. И если долю, которая больше... начинают поправлять. Я много что умею. Мама, отец научили.

(Чуванка 1954 г. р., Марково, 1998 г.)

Умение «править голову» находится как бы посередине между эзотерическим знанием и общедоступным. С одной стороны, оно, как правило, известно практически всем: любой из информантов с готовностью и подробнейшим образом описывал этот способ снятия головных болей, не ссылаясь на особых специалистов-правщиков. С другой — это умение приписывается старшим и знающим людям.

Соб.: Голову правили у вас или пупок?

Инф.: Голову — да. Болит — специальная мерка вот такая. И опять-таки знающий, у кого, говорят, легкая мягкая рука. Вот знают, к ей надо обратиться.

<...>

Соб.: А сейчас кто-нибудь умеет это делать?

Инф.: Ну, старшие умеют.

(Чуванка 1938 г.р., Марково, 1998 г.)

Одной из сфер традиционной медицинской деятельности, которая принадлежит обычно старшим в семье женщинам или *бабушкам* и которая находится между специальным знанием и повседневным, конечно же, является родовспоможение. Повседневным оно оказывается потому, что женщины рассказывают о собственном опыте родов, прошедших без посторонней помощи, как об изначально присущем им обычном умении. В то же время оказание помощи другим предполагает знание традиции и поэтому является специальным знанием старших. Несмотря на то что в настоящее время, как правило, эти функции выполняются медицинскими учреждениями, женщин, которые умеют принимать роды и могут предоставить начальный уход за новорожденным, можно найти и сегодня. Некоторые современные свидетели жителям поселка говорят в пользу этого утверждения. Вот, например, рассказ одной из женщин о своей матери:

...она в тундре была беременная. И получилось так, что тундра — это тундра... и там была мама. А у нее начались роды. Мама ей... именно она проводила ей роды, так, как сама она знает. Вот. Точно так же завязала она волосы на пупе и перевязала... пеплом и все... и она родила...

(Чуванка 1958 г.р., Марково, 1999 г.)

К традиционной деятельности *бабушек* можно отнести и уход за маленькими детьми. В прошлом, как следует из воспоминаний людей старшего поколения, бабушки занимались не только тем, что помогали роженицам и могли помочь в уходе за беспокойным ребенком, но и лечили другие болезни:

Крещение — по воду ходили. Воду ставили на полочку — стоит до следующего года. Когда болеют — брызгают, пить дают. Что-то говорят — не знаю, нашептывают. Кто лечит? Были бабушки, которых звали. Они нашептывали.

(Чуванка 1928 г.р., Марково, 1998 г.)

Однако в настоящий момент их трудно выделить в особую институционализованную группу специалистов.

Как уже было отмечено раньше, по мнению многих коренных жителей, в поселке не осталось особых специалистов, которые бы лечили болезни традиционными способами. Все рассказы, в которых речь идет о традиционных способах лечения и специалистах-лекарях, безотносительно к собственному опыту рассказчика, как правило, повествуют

о прошлой жизни. Вместе с тем, когда жители описывают опыт своего участия в процессе лечения в качестве пациентов, особая роль в этих воспоминаниях отводится не специалистам, а старшим в семье. Именно старикам своего рода отводится роль хранителей здоровья младших. Они учат, как надо себя вести, чтобы не заболеть, они лечат, если кто-то болеет. В этой связи примечательны рассказы о порче, в которых болезнь представляется как следствие конфликта между младшими «своими» и старшими «чужими». В этом случае врачи оказываются бессильными, но на помощь приходит старший родственник, как это происходит в драматическом рассказе одной из жительниц Марково, недавно приехавшей из поселка Чуванское:

Дядька мой [лечил]. В одно время и сестру, и меня. Но у нас порча была. По-русски это порча была. С. хороший доктор был, но вот никак. Все, я уже думала — помру, мучилась. А самая дальняя бригада с Яблона кочевала, мой дядька. И через несколько дней он перекочевывает в поселок. И мама на второй, на третий день пошла за ним. Уже на доктора надежды нет... Ну, она позвала дядюшку. Он пришел, меня поцеловал и говорит: «Чего, болеешь?» — «Ага...» — «Ну, — говорит маме, — чай сварил? Счас поьем». И он матери говорит: «Где ее чашка?» Мама говорит: «Вон она». — «Дай, говорит, сюда чашку с блюдцем». Она налила. Он мне говорит... «На, говорит, только не допивай все, оставь маленько». Ну ладно, маленько отпила. Взял... чисто блюдце... И вот он стал пить тихонечко и, когда стал глотать, как будто поперхнулся чем-то. Поперхнулся — и на блюдце. Вот прямо такой клубок... там и черное, и белое, шерсть, натуральная шерсть собачья. Вот он мне говорит, аж воскликнул: «Ах... что это?» — Потом он мне говорит: «Да... сильно вы рассердили К.» Там у нас бабка такая была, колдунья [«чистокровная чукчанка»]...

(Чуванка 1945 г. р., Марково, 1998 г.)

В данном, довольно характерном, случае, не доктор, а именно старший родственник смог определить причину и виновника болезни, а затем провести надлежащий лечебный ритуал.

Таким образом, в представлениях современных жителей поселка Марково роль традиционных лекарей-специалистов могут выполнять старшие в семье. Это представление предполагает скорее не приписывание лекарских способностей и знаний самому старшему в роде, а нисходящие отношения от лечащего старшего к болеющему младшему; роль лечащего может выполнять и старик по отношению к представителю среднего поколения, и мать по отношению к маленькому ребенку.

Обладающих особым знанием лечащих специалистов, о которых рассказывают жители Маркова, можно разделить на две категории: специалисты отдаленного прошлого и специалисты прошлого, с которыми рассказчику довелось встретиться и самому иметь дело. В прошлом, по мнению жителей поселка, были люди, которые умели лечить.

Были. Много было. Их говорили шаманы, шаманят. Но это редко было. Говорили, три человека. Но помогли. Вот В. Б-ой отец. Он был... если трудно болен, его позовут.

(Чуванка 1916 г. р., Марково, 1999 г.)

Рассказы о *шаманах* пользуются популярностью и являются довольно распространенными среди всех жителей поселка. Однако они никогда не рассказывают о ныне живущих конкретных людях или о тех, к кому рассказчику самому привелось обращаться. Говоря о собственном опыте общения со специалистами-лекарями, местные жители их называют обычно *сильными* людьми⁷. Одна из жительниц Маркова таким образом характеризует лекаря, который, по рассказам, владел техникой шаманского лечебного ритуала:

Инф.: *У ламутов сильный был И.С. Уяганский, он лечил тоже словом, руками лечил, узнавал болезни, в какой стадии. Я же вам рассказывала.*

Соб.: *Да, вы мне в прошлый раз рассказывали. Он был шаманом?*

Инф.: *Ну, он... Нет, он не был шаманом. Ну это... как сказать... тоже передает по наследству. Они... его в поселке боялись. Его боялись.*

(Чуванка 1954 г. р., Марково, 1999 г.)

Страх, о котором говорит эта женщина, отнюдь не случаен: лечащим специалистам довольно часто приписывается колдовское знание:

Обращались к отцу В. Б-ой, он лечил. Мама говорит — колдун был. Он не только травы собирал, он еще колдовал. Сестра-то в Сеймчане была [больна]. Мама пошла, хотела, чтобы он наколдовал.

(Чуванка 1933 г. р., Марково, 1998 г.)

В данном случае роль *колдуна* амбивалентна — он и лекарь, и колдун. Тем не менее термин *колдун* выражает недоверие и опасение по отношению к лечащему:

Колдун тебе и болезнь даст; только сплюнет, и ты уже можешь не встать.

(Чуванка 1954 г. р., Марково, 1998 г.)

В представлениях жителей поселка Марково действующие лекари — *сильные* люди. *Сильные* люди (старики своей семьи) чаще всего не воспринимаются как опасные: они передают знания и способности детям, защищают своих потомков, излечивают их от недугов. Однако по многим рассуждениям моих марковских собеседников можно заметить, что для них *сильные* старики представляют непосредственную опасность, если принадлежат другому роду. К некоторым из них можно было обратиться за помощью в случае крайней необходимости, и, таким образом, они могут быть выделены как особые лекари-специалисты. При этом и *сильные* старики, и *шаманы* принадлежат миру прошлого и в этом смысле оказываются за пределами мира ныне живущих людей.

Предки: сильные люди и шаманы⁸

Принадлежность лечащих специалистов — *сильных* стариков и *шаманов* — миру прошлого выводит тех и других за пределы мира живых и переводит их в категорию предков. Тем не менее их положение по отношению к живым различно. *Сильные* старики принадлежат прошлому, являющемуся прежде всего частью биографии рассказчиков и истории их рода. Они встроены в прямые родственные отношения со своими ныне живущими потомками, а также в отношения с представителями других родов. *Шаманы* также принадлежат прошлому — истории конкретного рода (но не своего) или отдаленному прошлому всего коллектива. В зависимости от своей позиции по отношению к ныне живущим они могут быть *шаманами-предками* или просто *шаманами*, то есть иметь только категориальное определение.

Коммуникация с предками является важной частью жизни коренных жителей поселка. Предки обладают высоким авторитетом и довольно активно контролируют действия живых. Участвуют они и в процессе излечения больных. Но разные категории предков принимают в этом участие по-разному: они используют различные средства и способы лечения.

Сильные люди

Самое непосредственное участие в лечении больных принимают умершие родители: считается, что они были *сильными* при жизни. Так, например, мать одной жительницы всегда помогала детям в случае болезни, особенно когда болезнь происходила от порчи. Помогает она своей дочери и после смерти.

У меня часто бывают сильные головные боли. Я вижу маму, она приходит [ночью], мне поправляет голову. С. [муж] боится, потому что я не сплю... до четырех. В пять минут нятого все прекращается. Я вижу маму, не знаю что, вижу, она идет ко мне, шаркает, поправляет голову, довольная, говорит: «Ты то-то неправильно сделала в этот месяц». И я тут же моментально засыпаю. Это уже не раз было. Она идет, ворчит, говорит: нужно было так-то поступить. Остерегает меня.

(Чуванка 1954 г. р., Марково, 1998 г.)

Потомки, обращаясь к своим умершим родственникам или свойственникам, могут получать от них лечебную силу и знание непосредственно в процессе коммуникации. Предки, к которым в безвыходной ситуации настойчиво обращаются их потомки, помогают им совершать лечение или самолечение, в том числе и лечебные ритуалы, как в случае, описанном ниже.

...Вот я, например, когда болела полгода, я думала — я умру. Все уже, говорю... Все уже, к кому только не обращалась и чего только мне не было. И к В-ной матери обращалась. [Показывает на портрет умершей матери мужа.] У меня как

отсюда вот... но она... я не знаю вот. А может, она всю информацию вытянула. Потому что с меня проходило — кошмар. Я думала, у меня голова туда улетит, в эту фотографию. Я просто не знаю, что она делала потом. <...> Может быть, она информацию-то забрала, а потом информацию вернула — что и как мне надо делать. Так вот это скорее всего...

(Чуванка 1960 г. р., Марково, 1999 г.)

В результате общения с умершей матерью своего мужа эта женщина получает необходимое знание для проведения ритуала, чтобы вылечиться от затянувшейся тяжелой болезни. В случае болезни детей она получает знание для их излечения также в процессе коммуникации с матерью мужа или своими умершими предками.

Старики, которые ушли в мир предков несколько поколений назад, могут передавать свою лечащую силу через оставшиеся после себя предметы:

Оно как бы передавалось. Мамина бабушка... Это вообще, да, и вот, допустим, я заболелаю, эту вещь, кружка, блюдце бабушкино, это, значит, моя прабабушка... Блюдце прабабушкино, туда наливали вот эту вот воду, которую брали, крептик, что-то говорили, давали выпивать, ну, я вставала.

(Чуванка 1954 г. р., Марково, 1998 г.)

Идентичность этих предков, помогающих в лечении своим потомкам, строится на прямых родственных или свойственных отношениях с живыми. Умершие непосредственные родственники имеют именно свойства предков: они являются хранителями последующих поколений своего рода, то есть всегда благосклонны к своим потомкам. Такие лечащие предки, которые встроены в структуру родственных и свойственных отношений с больным, принадлежат, как правило, роду самого рассказчика. Предполагается, что при жизни они были *сильными* или *обладали [силой]*, но не были признанными во всем сообществе лекарями, а имели статус старших в роду.

Следующей категорией предков являются умершие, которые встроены в систему социальных отношений поселка или территории. Их идентичность складывается из собственно имени, определяющего их принадлежность определенному роду, и прижизненных качеств *сильного* старика, которые в рассказах о них часто дополняются шаманскими атрибутами. Так, например:

Инф.: *...в Ламутске. Это было вот в восемьдесят первом году. Вот Иван Иванович. Вот я говорю — самый сильный, последний человек, шаман. Вот говорит, если, конечно, его сильно разозлить, то...*

Соб.: *А у него были какие-то свои помощники, да? Или он просто так...*

Инф.: *А я не знаю. Мне просто сказали, что он сильный. А помощники... вот... тетя Л. говорила, что вот эти, может быть, все, которые передавались. <...> Говорят, Иван Иванович с собой какой-то... забрал. С собой забрал.*

(Чуванка 1960 г. р., Марково, 1999 г.)

Шаманы

Шаманы-предки принимают личное участие в жизни коренных жителей территории, в том числе и в процессе лечения или спасения их от смерти. Следующий рассказ может быть яркой иллюстрацией такого участия:

Вот брата старшего — он заболел в тундре. И упал без сознания. Говорит: «Смотрю — там очнулся. Вышел старик, говорит. Вижу — могилы старинные. Вышел старик высокий, белый... все одежда. И с яраном⁹. И... стал в этот яран стучать. И я, говорит, очнулся». И посмотрел: «И правда — вот могилка. Он, говорит, меня вернул. Ползком, говорит, дошел. Если бы... то бы умер». И вот он... Стали вспоминать. И вот старшая сестра говорит: «А-а-а. Вот там старик... старика похоронили. А дед-то, — говорит, — Кобелев <...> вот он тоже знал, умел шаманить». И всё [все] тоже поверили.

(Чуванка 1938 г. р., Марково, 1998 г.)

В данном случае камлавший над больным *шаман* имеет имя, он встроен в систему родственных и территориальных отношений с ныне живущими людьми. Однако с рассказчицей и ее заболевшим братом его связывают скорее территориальные отношения, нежели прямые родственные. По-видимому, как *шаман-предок* он может покровительствовать любому члену данного коллектива. Как конкретно названный человек — он принимает непосредственное участие в лечебном ритуале в качестве *шамана-лекаря*.

Шаманы далекого прошлого как категория лекарей не участвуют в излечении ныне живущих людей. Однако они были главными лечащими специалистами далекого прошлого.

Кто болеет — идет туда как врач. У него в яранге¹⁰ тут все... И вот [кто] болеет, все поправляет. <...> Ну, раньше болезнь отходит — видно. Шаман видит — о-о идут. Болезни идут. Наверху они тут. В землю упадет, в землю — не видно... [как черви]. Много. Если на землю упадет — плохо. Болезни... <...> Ну он берет... возьмет. Ножом отрывает. И на огонь бросит. Потом — нормально.

(Чукча 1941 г. р., Марково, 1999 г.)

Шаманы были лучшими специалистами прошлого не только для марковских жителей. Им приписываются исключительные способности и умения, а также интеллектуальные и моральные качества, представляющие ценность для современных жителей Чукотки:

Шаман у нас — лекарь, вестник, предсказатель и так далее. <...> Но быть шаманом может не каждый. Это дается.

(Чукчанка, Анадырь, 1996 г. — (Вахтин, 1996. С. 8.)

[Р]аньше как шаманы, они же, шаманы, знали не только галактику, они знали, где зверь водится, где пройдет рыба, где рыба пройдет... где пролет птиц, перелет большой, где можно добыть, где рыба сейчас будет. Шаманы ведь даже... все это знали.

(Чуванец 1962 г. р., записано в Марково, 1999 г.)

Непосредственное участие *шаманов* далекого прошлого в жизни ныне живущих людей ограничено, но их роль очень важна в процессе построения идентичности коренных жителей (см.: Pentikainen, 1997) при противопоставлении себя приезжим с «материка».

Заключение

Анализ материалов, собранных в поселке Марково в 1998–1999 годах и отчасти представленных в данной работе, позволяет воссоздать картину представлений коренных жителей поселка о своих традиционных лечащих специалистах. Основное деление между неспециалистами и специалистами проходит между настоящим и прошлым, между живыми и умершими. Внутри каждой из этих групп лечащих возможна градация распределения знания и лекарских ролей с вектором движения от профанного к сакральному. Для определения места практикующих лечение оказываются важными их лекарские техники, социальный статус¹¹ и временной аспект, причем лекарская позиция зависит прежде всего от социального положения практикующих лечение и во вторую очередь — от характера используемого медицинского знания или практик. Четко очерченные категории лекарей, между тем, трудно вычленимы.

На основании высказываний многих марковцев можно заключить, что среди ныне живущих коренных жителей поселка нет специалистов, которые имели бы статус лекарей. Однако всех жителей поселка, безусловно, можно ввести в иерархическую структуру людей, которые обладают определенными медицинскими знаниями. В первую очередь — это рядовые жители поселка, которые используют «собственные средства», в том числе и травы. Знание трав не считается особым, если социальная позиция владеющих этим знанием не определена. К людям, обладающим специальными медицинскими знаниями и умениями, относят скорее тех, чей статус в социуме «повышен». Так, подразумевается, что люди, умеющие «править голову», а также женщины, которые могут помочь при родах, не только знают конкретные лечебные техники, но еще и занимают позицию старших членов коллектива.

Важной группой лечащих оказываются те, кто имеет статус старших в семье. Старшим приписывается особое знание, при помощи которого они могут как лечить, так и приносить вред, их называют *сильные*. Младшие боятся стариков, стараются обходиться с ними почтительно. Многие жители рассказывают о собственном опыте, когда в случае тяжелой болезни старший член семьи пришел на помощь младшему в качестве лекаря, обладающего особым знанием. Старшие в семье продолжают выполнять свои функции хранителей младших и после смерти, но уже в качестве предков. *Сильные* умершие, выполняющие функцию предков, встроены в родственные и территориальные отношения с ныне живущими жителями. Они могут быть двух кате-

горий: принадлежащие роду рассказчика и принадлежащие всей общности. Репертуар лекарственных практик старших живых или умерших включает компоненты техники и правщиков, и наговорщиков, и шаманов. Принадлежащие к своему роду умершие родители терминологически определены как *сильные* или те, которые *обладали* [силой] при жизни, и редко определяются как *шаманы*¹². Однако те умершие, которые защищают от болезни не только своих потомков, или, иными словами, чужие *сильные*, получают в представлениях марковцев шаманские атрибуты. Считается, что при жизни они были более *сильные*, *знали шаманить*, в рассказах им присваивается статус ритуального специалиста. Одна из важнейших метаморфоз, которая происходит с умершими *сильными* старшими — это та, в результате которой они перестают быть *колдунами*. Они приходят в случае необходимости только на помощь своим потомкам, то есть выполняют сугубо защитительную функцию предков.

Отдельной категорией лекарей выступают шаманы прошлого. Марковцы, как уже было замечено раньше, не используют категориальное название *шаман* применительно к своим прямым родственникам. Однако оно используется ими для конструирования минувших событий своей локальной общности. Фигура *шамана* выполняет роль символа «великого прошлого», мифологизируя его. То есть, по сути дела, *шаманы* отдаленного прошлого находятся уже за пределами функциональной лекарской иерархии, но их деяния служат неким ценностным образцом, на который ориентированы конкретные представления и практики. Рассказы о шаманах прошлого создают «шаманский контекст», на фоне которого происходит лекарская деятельность остальных лечащих специалистов.

Собственно говоря, иерархическая структура распределения традиционных медицинских знаний осталась в представлениях марковцев прежней. Она сохранила главные статусные категории лекарей: *бабушек*, *стариков* и *шаманов*, утратив, однако, «технические» категории *правщиков* и *наговорщиков*. Зафиксированные в современном обиходе термины *сильные* и *колдуны*, посредством которых классификация знаний стариков уточняется и дополняется, не меняют общей иерархической структуры¹³.

В то же время вся шкала оказалась смещенной: самые ценимые в прошлом специалисты в современной ситуации существуют за пределами мира живых, они отошли в мир предков. Однако предки довольно активно участвуют в жизни и лечении живых. Коммуникация с *сильными* предками заменила шаманское лечение и лечение *наговорщика*. Что касается общения марковцев со своими предками, трудно сказать, насколько в данном случае поменялась картина за последние сто лет: Н. П. Сокольников не оставил данных, касающихся этой стороны жизни марковчан.

Примечания

¹ Молебны, причащение, соборование, пожертвования (*Примеч. авт.*).

² «Надобное» — «предметы самые разнообразные, но непременно отличающиеся какой-либо оригинальной особенностью — вообще редкие» (Сокольников, 1911. С. 125), которые требовал себе больной, для того чтобы вылечиться от «припадков».

³ «Шаманье лечение заключается в следующем. Больного садят или кладут так, чтобы шаман мог ходить вокруг него. Для вызова своих 'врагов' (помощников. — М. Х.) шаман с бубном и в костюме садится на оленью шкуру с маленькими весенними рожками в шерсти; кожа эта должна быть с кожей ног, копытами и 'цёрными местами' (кожа под щеткой). (Такой порядок соблюдался марковскими и соблюдается еще и теперь некоторыми ламутскими шаманами. У каждого ламутского шамана есть особый костюм, как было то и у марковских. У чукоч проще — садится шаман на обыкновенную оленью шкуру ('постель', 'пастеля'). Шаманьи костюмы у них бывают не всегда. Вызвав обычным порядком 'врагов', шаман вскакивает и начинает шаманить вокруг больного, бубнить над его головой, делает над ним пассы и, приставляя ребром бубен к больному месту, громко выкрикивает, приказывая тем болезни выйти; это, в конце концов, и происходит при особенно громком выкрике ('саман ряхкнёт и болезнь выйдёт'). Болезнь выходит и оказывается у шамана в бубне в виде небольшого камешка, сгустка крови, или насекомого» (*Примеч. авт.*). (Сокольников, 1911. С. 130–131).

⁴ Кроме своих лекарей, в Маркове уже сто лет назад были фельдшер и «опытный в лечении человек», заведовавший там аптекой, к которым марковцы тоже с охотой обращались.

⁵ Сто лет назад А. В. Олсуфьев (он был в Маркове в 1893 году) писал: «Религиозность населения не оставляет желать лучшего, и обряды православной церкви свято чтятся ими и исполняются с большой точностью» (Олсуфьев, 1896. С. 85). На сегодняшний день в поселке нет священника. По моим наблюдениям, церковь постоянно закрыта, хотя, по словам моих информантов, есть женщина, которая за ней следит. Жители поселка, с которыми я разговаривала, в церковь не ходят и ею не интересуются.

⁶ Этническая самоидентификация марковцев не дает столь однозначной картины, которая представлена в документах. Во многих случаях она отличается от официальной.

⁷ Термин *сильный* отсылает к традиционному делению шаманов на сильных и слабых (см., например, Hultkrantz, 1978. С. 34).

⁸ Классификационная схема выстроена с учетом работ Р. Е. Брэдбери (Bradbury, 1968 [1966]) и А.-Л. Сиикала (Siikala, 1987 [1978]). Однако я не использую терминологию, введенную этими исследователями, так как данная традиция имеет свою конфигурацию и терминологию.

⁹ Ярар — бубен (*чук.*).

¹⁰ Яранга — чукотское жилище.

¹¹ Включающий родственные отношения.

¹² Определение способного к лечению предка, имеющего конкретные родственные отношения с рассказчиком, в качестве *шамана* встречается в рассказах информантов молодого поколения. Одна из причин этого может состоять в том, что их представления (особенно если они надолго уезжали из поселка) отчасти формируются под влиянием средств массовой информации.

¹³ По Н. П. Сокольникову, марковцы и раньше считали, что наговорщики и шаманы могли портить людей (Сокольников, 1911. С. 75), но автор не использует термина *колдун*. Некоторые тексты, зафиксированные в Маркове показывают, что термины *шаман* и *колдун* могут быть функционально взаимозаменяемыми (см. Дьячков 1992. С. 232).

Литература

- Афанасьева Г. М., Симченко Ю. Б.* Традиционная пища береговых и оленных чукчей // Народы Сибири. Кн. 1: Сибирский этнографический сборник. / Под ред. Ю. Б. Симченко. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1993. Вып. 6. С. 56–100.
- Богораз В. Г.* К психологии шаманства у народов Северо-Восточной Азии // Этнографическое обозрение. М., 1910. Т. 84–85. Кн. 1–2. С. 1–37.
- Гондатти Н. Л.* Сведения о поселениях по Анадырю // Записки приамурского отдела Императорского Русского географического общества. Хабаровск, 1897а. Т. 3. Вып. 1. С. 71–110.
- Гондатти Н. Л.* Оседлое население реки Анадыря // Записки приамурского отдела Императорского Русского географического общества. Хабаровск, 1897б. Т. 3. Вып. 1. С. 111–165.
- Гондатти Н. Л.* Состав населения Анадырской округи // Записки приамурского отдела Императорского Русского географического общества. Хабаровск, 1897в. Т. 3. Вып. 1. С. 166–178.
- Гондатти Н. Л.* Поездка из Маркова, на р. Анадырь, в бухту Провидения (Берингов пролив) // Записки приамурского отдела Императорского Русского географического общества. Хабаровск, 1898. Т. 4. Вып. 1. С. 1–42.
- Гурвич И. С.* Этническая история Северо-Востока Сибири // Труды института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. М.: Наука, 1966. Т. 89. 275 с.
- Дьячков А. Е.* Анадырский край. 2-е изд. Магадан: Магаданское книжное изд-во, 1992 [1893]. С. 163–267.
- Майдель Г.* Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868–1870 годах / Пер. с нем. В. Л. Бианки // Приложение к т. 74 Записок Императорской Академии наук. № 3. СПб., 1894. 599 с.
- Олсуфьев А. В.* Общий очерк Анадырской округи, ее экономического состояния и быта населения // Записки приамурского отдела Императорского Русского географического общества. СПб., 1896. Т. 2. Вып. 1. 245 с.

- Патканов С.* Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири. На основании данных переписи населения 1897 г. и других источников. Часть I: Тунгусы собственно. СПб., 1906. Вып. 1. 175 с.
- Патканов С.* О приросте инородческого населения Сибири: Статистические материалы для освещения вопроса о вымирании первобытных племен. СПб: Изд. Имп. Академия наук, 1911. 210 с.
- Патканов С. К.* Список народностей Сибири // Труды комиссии по изучению племенного состава населения России, 7. Пг.: Российская Академия наук, 1923. 15 с.
- Сокольников Н. П.* Болезни и рождение человека в селе Маркове на Анадыре // Этнографическое обозрение. Москва, 1911. Кн. 90–91. Вып. 3–4. С. 71–172.
- Bradbury R. E.* Fathers, Elders, and Ghosts in Edo Religion // *Anthropological Approaches to the Study of Religion* / Ed. by Michael Banton. London: Tavistock Publications, 1968 [1966]. С. 127–153.
- Hultkrantz E.* Ecological and Phenomenological Aspects of Shamanism // *Shamanism in Siberia* / Ed. V. Dioszegi and M. Hoppal. Budapest: Akademiai kiado, 1978. P. 27–58.
- Landy D.* Culture, Disease and Healing: Studies in Medical Anthropology. The Healers: Statuses and Roles / Ed. by D. Landy. New York: Macmillan Publishing Co., Inc. — London: Collier Macmillan Publishers, 1977. P. 415–417.
- Patcanow S.* Essai d'une statistique et d'une géographie de peuples palaeasiatique de la Sibérie d'après les données du recensement de 1897. Publié par le Comité central de Statistique (Ministère de l'intérieur). St. Pétersbourg, 1903. 68 ps.
- Pentikäinen J.* The Revival of Shamanism in the Contemporary North // *Shamanism and Culture*. Helsinki: Etnika Co., 1997. P. 86–99.
- Siikala A.-L.* The Rite Technique of the Siberian Shaman. FFC 220. Helsinki: SKS, 1987. 385 ps.

В статье использованы материалы экспедиций:

- Вахтин Н. Б.* Материалы полевой работы на Чукотке, май–июнь 1996 года. Проект *Environmental Attitudes of Indigenous Population*.
- Вахтин Н. Б., Хаккарайнен М. В.* Материалы полевой работы на Чукотке, август–сентябрь 1998 года. Проект *Creole Communities in Northeastern Siberia*. 1998.
- Хаккарайнен М. В.* Материалы полевой работы на Чукотке, май–июнь 1999 года.

Материалы хранятся в архиве автора и на факультете этнологии ЕУСПб.